

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Соловьёва Романа Сергеевича на тему:
«„Жизнь Плотина“ Порфирия в историко-литературном контексте II–III
века и проблема ее жанровой неоднородности»
по специальности 5.9.7 – Классическая, византийская и новогреческая
филология

Диссертация Романа Сергеевича Соловьёва посвящена жанровой специфике «Жизни Плотина» Порфирия в историко-литературном контексте II–III вв. по Р.Х., что ставит перед автором ряд более масштабных вопросов о характере интеллектуальных связей между школой Плотина и школой Оригена Александрийского. В решении этих вопросов диссертант стремится «опровергнуть устоявшийся штамп о замкнутости философских школ платоников» (с. 13), отмечая случаи взаимодействия платоников (Нумения, Амелия и самого Порфирия) с иудео-христианской традицией (Филоном, Оригеном, Григорием Неокесарийским). Этот подход позволяет по-новому взглянуть на доступные нам источники и обуславливает актуальность и новизну данной работы.

В первой главе Роман Сергеевич отмечает, что основным препятствием для адекватной оценки взаимодействия платоников и христиан служит устаревшее представление о неоплатонизме как об «эклектической секте». Это представление сложилось в историографии XVII–XVIII в. и, с точки зрения автора, все еще оказывает влияние на современные исследования этого периода (с. 34). У истоков «историографического штампа», по мнению автора, стоит Иоганн Якоб Брукер, чья многотомная *Historia Critica...* закрепила представление о неоплатонизме как о «самодостаточной и замкнутой школе» (с. 35), что продолжает препятствовать «составлению достоверной исторической картины» (с. 39). Р.С. Соловьёв щедро документирует примеры литературного и философского взаимодействия между платониками и

христианами; отмечая, что многие аспекты этого взаимодействия хорошо изучены, он говорит о необходимости дополнительного изучения *влияния христиан* на платоников (с. 54). Наиболее решительные выводы работы касаются не взаимодействия вообще, а именно *влияния* иудео-христианской традиции на платонизм. В качестве примеров такого влияния приводятся следующие: появление у платоников канона священных книг (с. 85-86); влияние Филона Александрийского на Нумения (с. 106-112), а через него — на Амелия; влияние докетизма на самого Амелия (с. 123-127) и, наконец, влияние Оригена и его учеников на самого Порфирия (с. 129 слл.). Не все эти утверждения представляются нам в равной мере проработанными. Так, раздел 3.2.6, посвященный источникам докетизирующей христологии Амелия, представляет большой интерес и содержит свежие и оригинальные выводы. В то же время доводы в пользу зависимости Нумения от Филона изложены несколько поспешно (с. 108-109) и не кажутся нам достаточно убедительными.

В целом, поставленные в главах 1-3 задачи автор решает, демонстрируя при этом поистине энциклопедическую ученость и прекрасное знание старых и новых источников. Однако нам бы хотелось обратить внимание на некоторые упущения. Иоганн Якоб Брукер, источник вредоносного «историографического штампа», тем не менее говорит о постоянном присутствии христиан в поле зрения поздних платоников. Во втором томе *Historia Critica...* (1742 г.) читаем, что философия Аммония Саккаса была реакцией на возрастающее влияние учителей Церкви: «Tandem et pulchre videbat Ammonius, tot esse de rebus divinis quaestiones, quae solvere recepta religio non posset, ut multi vanitate eius adducti Christianis doctoribus aures aperirent» (р. 370). Философский синкретизм, утверждает Брукер, был «измышлен во вред христианам» («Christianorum in damnum excogitanum fuisse», р. 372). В этом мнении Брукер был не одинок: подобное утверждение еще раньше находим у Якоба Томазия (1622—1684) в речи *De syncretismo Peripatetico*, произнесенной в 1664 г. (*Orationes, partim ex umbone templi academici...* Lipsiae 1683, pp. 323-349). Когда учителя Церкви стали обвинять

платоников в разногласиях (*dissentiones*), пишет Томазий, те решили отвести от себя эти упреки и обратить их на самих христиан (р. 337: *a se amoliri, in nostros rejicere*). Разумеется, у историков-лютеран вроде Томазия и Брукера этот «измышленный» синкретизм лишь на первом этапе испытывает влияние христиан — начиная с Оригена, уже сами христиане подпадают под его влияние (подробнее об этой историографической схеме см.: Longo M. A “Critical” History of Philosophy and the Early Enlightenment: Johann Jacob Brucker / Models of the History of Philosophy. Vol. II: From Cartesian Age to Brucker // G. Piaia, G. Santinello (eds.). Springer, 2011. P. 477-578, особ. 526). Также у Христофора Августа Геймана (1681-1764) читаем, что Порфирий стремился представить Плотина в роли своего рода платонического Христа, а его жизнеописание — как платоническое Евангелие: «...ich muß sagen es sey dieses *vita Plotini* des Porphyrii Evangelium, worinne er den Plotinum als einen Gott beschreibet der eben wie Christus Wunder gethan und zukünfftige Dinge gewust mit einem Worte allmächtig und allwissend gewesen sey» (немецкий текст, опубликованный в 1715 г., и английский перевод доступны в кн.: Catana L. Late Ancient Platonism in Eighteenth-Century German Thought. Springer, 2019; эта работа известна диссертанту, как следует из прим. 98 на с. 32). Приведенных цитат достаточно, чтобы усомниться в том, что подход Брукера и его предшественников представлял неоплатонизм как «самодостаточную и замкнутую школу», как утверждает Р.С. Соловьёв на с. 35, 38 *et passim*. Более того, собственный вывод Романа Сергеевича о том, что культурный проект Порфирия становится ответом на распространение христианства (с. 218) скорее обновляет, чем отменяет подход лютеранских историков философии, с которыми диссертант расходится скорее в оценках описываемого явления. Сказанное не должно умалять проделанной Романом Сергеевичем работы: в пятитомной истории Брукера около 6000 страниц, и небольшие упущения неизбежны.

Перейдем к рассмотрению четвертой главы «Автор *Vita Plotini*: Порфирий как критический собеседник христиан». Эта глава делится на

восемь разделов, посвященных биографии Порфирия (раздел 4.1), сочинениям Порфирия (раздел 4.2), жанру «Жизни Плотина» и полемике Порфирия с Амелием (раздел 4.3), полемике Порфирия с христианами (раздел 4.4), проблеме «двух Оригенов» (раздел 4.5), аллюзиям на Оригена и Григория Неокесарийского внутри «Жизни Плотина» (раздел 4.6) и конкурирующей модели Евсевия (раздел 4.7). Завершается глава общими выводами в разделе 4.8. Даже из этого перечня понятно, что к слову «контекст» в названии работы диссертант подходит весьма основательно: он затрагивает широкий круг исторических, филологических и богословских проблем, попутно решая вопросы просопографического характера (раздел 4.6.3.4). Разумеется, детальная проработка всех этих вопросов на 80-ти страницах невозможна, однако вынесенные на защиту положения 4-8, на наш взгляд, в достаточной мере фундированы. Автор убедительно показывает, что Порфирий изображает Плотина как «божественного мужа», а также приводит веские доводы в пользу того, что «римская платоническая школа» была открыта «диспутациям с христианами». Подробный анализ толкования Амелия на пролог от Иоанна подтверждает знакомство платоников с христианским учением о Логосе. Весьма убедительны и доводы в пользу того, что Порфирий замышляет свое издание «Эннеад» как альтернативу изданию Амелия.

Есть, однако, и слабые места в аргументации автора. Так, в разделе 4.5 «Ориген, известный Порфирию» Роман Сергеевич с одобрением цитирует слова о том, что «отстаивание гипотезы о двух Оригенах во многом основано на подсознательном страхе размыть грань между платонизмом и христианством» (с. 161). Обвинять в «подсознательном страхе» всех, кто разделяет гипотезу о двух Оригенах — значит признавать способность к рациональному суждению лишь в своих единомышленниках. Это едва ли способствует продуктивной научной дискуссии, которая должна быть основана на поиске аргументов в источниках, а не в душах оппонентов. Есть несколько очень сильных доводов в пользу «дуализма», среди которых — свидетельства Порфирия и Лонгина о том, что литературная деятельность

упоминаемого ими Оригена была очень незначительна по объему. Р.С. Соловьёв возражает, что Порфирий мог не принимать во внимание христианские сочинения Оригена из соображений «неоплатонической самоцензуры» (с. 162). Но Лонгин пишет, что Ориген в целом не видел пользы в письменном философствовании — а эти слова к Оригену-христианину уже никак не применимы (на что справедливо указывал ранее А.В. Серегин). Добавим, что уже упомянутый Брукер отвергает отождествление двух Оригенов на основании весьма здравых соображений хронологического толка (*Historia critica...* Т. 2. Р. 216-217), а вовсе не в угоду своей историографической схеме, подсознательным страхам или богословским мнениям. Именно подобное критическое отношение к источникам сделало «Историю...» Брукера востребованной в самых разных культурных кругах, от просветителей-энциклопедистов до иезуитов (см.: Longo. Op. cit. Р. 478), и мы едва ли сможем предложить что-то лучшее, если откажемся от здравого «исторического пирронизма», вдохновлявшего его труды (см., напр.: *Historia critica...* Т. 1. Р. 18). Эти замечания, впрочем, никак не уязвляют ключевой (и хорошо обоснованный) тезис Р.С. Соловьёва о знакомстве Порфирия с трудами Оригена-христианина и его учеников, потому что для такого знакомства, которое могло отразиться и на литературной форме «Жизни Плотина», гипотеза «унитаристов» не является ни необходимой, ни достаточной.

В работе встречаются отдельные стилистические неудачи: двусмысленность предложных конструкций (с. 56: «обвинение Плотина в философской несамостоятельности»; ср. 147: «в ответ на обвинения учителя в плагиате»), речевая избыточность (с. 55: «Нумений Апамейский, ... родившийся в Апамее»), ошибки в сочетании однородных членов (с. 151: «считают ... не полемическим произведением, а видят в нем...») и др. Фамилия Gerson на русский передается как Герсон (не Джерсон).

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям,

установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Таким образом, соискатель Соловьёв Роман Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук,
Доцент Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ
Ольга Валерьевна Алиева

14.11.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация:

10.02.14 – «Классическая филология, византийская и новогреческая
филология»

Адрес места работы:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
105066, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1, каб. 417, рабочий
телефон +7 (495) 772-45-90, рабочий e-mail: oalieva@hse.ru

Подпись О. В. Алиевой удостоверяю: